

Вскоре Гу Чанъань почувствовал, что его бросили в воду. В ушах, казалось, зашумела огромная толща воды.

Ощущение стремительного падения, тяжелеющей одежды, того, как в нос и рот хлынула грязная жижа, заполняя легкие, было пугающе реальным.

Вскоре в легкие хлынула не только вода, но и ил с водорослями. Казалось, со всех сторон протянулись десятки рук, потащили его на самое дно, придавили конечности, впечатывая в грунт.

Лицо Гу Чанъаня исказилось от боли. В глубине сознания внезапно возник черный омут. В тот момент, когда он начал расширяться, Гу Чанъань смутно услышал голос — голос Лу Чэна, который словно прижался к самому его уху и настойчиво повторял: — Чанъань... Чанъань...

Звук становился все ближе и отчетливее, пока внезапно не пронзил барабанные перепонки.

— Гу Чанъань, проснись!

Вместе с этим окриком черный омут в сознании Гу Чанъаня разросся до невероятных размеров, и из него высунулась рука, выхватывая его из объятий смерти.

Гу Чанъань резко открыл глаза. В поле зрения, подернутом влажной пеленой, возник холодный, суровый профиль. Он моргнул, и рассеянный взгляд постепенно сфокусировался.

— Ты...

Едва издав звук, Гу Чанъань не смог сдержать приступа кашля. Горло саднило, спину свело болезненной судорогой, а по бледному лицу градом катился пот.

Лу Чэн стоял у кровати, глядя сверху вниз на свернувшегося калачиком юношу. Его тон был безразличен:

— Тебе приснился кошмар.

Гу Чанъань, чьи глаза были скрыты прилипшими к влажному лбу прядями волос, часто дышал, широко открыв рот. Пот лил ручьем, одежда промокла насквозь, облепляя тело и подчеркивая четкие, плавные линии спины.

В комнате было слышно лишь сбивчивое, тяжелое дыхание Гу Чанъаня.

Только спустя минут десять он смог прийти в себя после мучительного кошмара. Подняв руку,

он откинул мокрые волосы назад, и в его взгляде проступила мрачность.

Лу Чэн искоса взглянул на юношу, сидящего на кровати. Его взгляд был холодным, но в голосе проскользнула нотка насмешки, возможная лишь в общении с другом:

— Я предлагал тебе поспать со мной, поболтать, но ты отказался. А в итоге — кошмар. Если бы я случайно не вышел в туалет и, проходя мимо твоей комнаты, не услышал твои крики, тебе пришлось бы несладко.

Вот как? Рассказываешь так складно, будто это правда. Ты держишь меня за дурака или за идиота? Гу Чанъань потер влажное горячее ухо:

— Ты всегда будишь людей, шепча им прямо в ухо?

— Никогда раньше. Это был первый раз, — небрежно ответил Лу Чэн. — Ну как ощущения? Расскажешь, что тебе снилось?

Гу Чанъань прикрыл глаза рукой, его кадык дернулся. Хриплым голосом он произнес:

— Это был не просто сон. Днем я столкнулся с той штукой, и она решила достать меня ночью.

Было два варианта: либо по неясной пока причине он зацепил чью-то злобную обиду, и призрак утянул его душу, заставив пережить момент собственной смерти, либо это было просто предупреждение.

Если верно второе, то все очевидно.

В конце концов, в руках у Гу Чанъаня сейчас была лишь одна ложь, связанная с Чжан Луном. Значит, этот исполненный ненависти призрак либо сам Чжан Лун, либо кто-то, тесно с ним связанный.

Лу Чэн выслушал и лишь спросил:

— Вот как?

Гу Чанъань дернул уголком рта:

— Ты знал это заранее.

Лу Чэн усмехнулся:

— С чего бы это?

Гу Чанъань внезапно убрал руку с лица и исподлобья, с мрачной угрозой посмотрел на мужчину.

Тонкие губы Лу Чэна по-прежнему были изогнуты в усмешке. Он невозмутимо встретил тяжелый, темный взгляд юноши:

— Почему ты так уверен, что я знал заранее?

Его вид напоминал отца, который наставляет ребенка и ждет от него достойного ответа, надеясь, что тот его не разочарует.

Гу Чанъань не упустил мимолетного изменения в выражении лица Лу Чэна, и здание его догадок за несколько секунд стало незыблемым.

Он сел, закутался в сырое одеяло, пытаясь выровнять сбивчивое дыхание:

— Ты пришел сюда из-за меня. Твоя истинная цель была продиктована любопытством: ты хотел посмотреть, что я за человек, стоит ли тратить на меня время. А когда понял, что я соответствую твоим требованиям, решил копнуть глубже и, изображая искренность, выложил один из козырей — свои Инь-ян глаза.

Хаотичные нити событий этой ночи вдруг сплелись в единое целое. Туман рассеялся, и все стало ясно.

— Ты еще днем знал, что ко мне что-то прицепилось. И когда предложил поспать вместе, заранее знал, что я откажусь. А предложил только ради своего извращенного удовольствия — просто чтобы позабавиться.

Гу Чанъань дотянулся до зажигалки и пачки сигарет на тумбочке, опустил веки, прикурил и, прищурившись, уставился на мужчину:

— Я прав?

Лу Чэн ответил взглядом, выражавшим восхищение в духе: Ты молодец, так и хочется поаплодировать.

Гу Чанъань облизнул пересохшие губы. С сигаретой в зубах он выбрался из-под одеяла, но тут же поежился от пронизывающего холода.

Оглядевшись, он нашел куртку, накинул ее и вдохнул ледяной воздух:

— Думаю, я представляю для тебя определенную ценность. Или по какой-то причине ты не можешь допустить, чтобы я погиб. Но что-то во мне тебя раздражает, вызывает презрение или неприязнь. Не исключено, что ты просто испытывал меня, желая, чтобы я хлебнул горя, а когда придет время, собирался появиться и ждать, пока я буду благодарить тебя со слезами на глазах.

Под конец Гу Чанъань смотрел на него так, будто хотел разорвать. Черт возьми, всегда он сам просчитывал других, но впервые в жизни кто-то так играл им, вертел как хотел.

Лу Чэн тихо рассмеялся, но вскоре улыбка исчезла с его губ.

Гу Чанъань выпрямился и пошел мимо него за водой. Выпив залпом холодную воду, он почувствовал, как холод разлился по всему телу, и воспользовался моментом, чтобы привести мысли в порядок.

— Раз уж мы дошли до этого, ты так и собираешься продолжать разыгрывать этот спектакль, скрываясь под маской?

Лу Чэн спросил:

— Под маской?

— Сетевой сленг, — Гу Чанъань стер холодный пот с лица и оскалился. — То есть твоя вежливая и благородная личина.

Лу Чэн хмыкнул:

— У тебя самого масок немало.

У Гу Чанъаня дернулся висок.

После короткого молчания Лу Чэн под пристальным взглядом Гу Чанъаня невозмутимо произнес:

— Я действительно пришел сюда из-за тебя.

Гу Чанъань мысленно поставил галочку напротив своей догадки и, не подавая виду, приготовился слушать дальше.

Однако Лу Чэн замолчал.

Это было совсем не то, на что рассчитывал Гу Чанъань. Лу Чэн не стал играть по правилам.

Сегодняшняя ночь — редкий шанс, и Гу Чанъань не хотел, чтобы все закончилось так нелепо. Если сейчас не сорвать с него эту маску, потом будет сложнее.

Он поставил стакан, вернул сигарету в рот и, полуприкрыв глаза, выпустил облако дыма:

— Отдай мне эту вещь.

Лу Чэн никак не отреагировал.

— Раз ты пришел за мной, значит, у тебя есть то, что ты должен мне передать, — Гу Чанъань приподнял веки. — Разве нет?

На самом деле у него не было никаких зацепок, ни прямых, ни косвенных. Он просто блефовал, но держался с такой уверенностью, что казалось, у него нет ни единого изъяна.

Кто-то другой мог бы попасться на этот крючок, но Лу Чэн — если только не лишился рассудка — не стал бы прыгать в яму. Он лишь изобразил недоумение:

— Какую вещь?

Гу Чанъань впился взглядом в глаза мужчины:

— То, что ты принес с собой.

Лу Чэн ответил:

— У меня ничего нет.

Гу Чанъань внезапно ударил ногой в пах.

В прошлый раз, во время отключения света, он уже пытался проверить его, но тот не оказал никакого сопротивления, позволив себя скрутить, словно декоративная подушка.

На этот раз он целился прямо в уязвимое место. Ни один мужчина не остался бы равнодушным.

Удар был страшной силы, и попади он в цель, последствия были бы плачевными.

В мгновение ока лицо Лу Чэна помрачнело. Он перехватил ногу Гу Чанъаня своим ударом — сила была чудовищной.

Уворачиваясь, Гу Чанъань словно услышал, как с того слетела маска.

В комнате воцарилась тишина.

Гу Чанъань стряхнул пепел с груди и с кривой усмешкой посмотрел на мужчину:

— Неплохая реакция. Хотел сделать меня калекой?

— Взаимно.

Лу Чэн, не меняясь в лице, поправил воротник и вышел. В комнату ворвался холодный ветер. Гу Чанъань поежился и только сейчас заметил, что на нем одни подштанники. Дрожа от холода, он начал натягивать трико.

Он был на полпути, когда вернулся Лу Чэн.

Трико были бежевыми, из не самой тонкой, но и не толстой пряжи, не новые и не старые. Сам Гу Чанъань был бледным, в одном тоне, включая сгибы рук и ног. Сейчас, держась за края трико, он выглядел так, будто его белые, как дорогой фарфор, руки подчеркивали неопрятность ткани.

Но дело было не в этом, а в том, что трико скатались. Гу Чанъань вспомнил, что надо бы пройтись по ним машинкой для удаления катышков, но давно этого не делал.

Катышки — явление обычное, но взгляд Лу Чэна был таким, будто он увидел нечто невероятное. Кровь прилила к голове Гу Чанъаня, и он невозмутимо натянул трико до колен.

Лу Чэн заметил:

— Утепляешься основательно.

Гу Чанъань стряхнул пепел:

— Возраст берет свое.

Лу Чэн усмехнулся:

— За всю жизнь впервые вижу человека в шерстяных подштанниках.

— ...

Гу Чанъань пожал плечами:

— Это говорит лишь о твоём ограниченном кругозоре.

Лу Чэн окинул взглядом его трико и произнес:

— Брюки настолько уродливы, что у меня нет слов.

Гу Чанъань бросил на него ледяной взгляд: тогда закрой рот!

Лу Чэн бросил Гу Чанъаню какую-то вещь. Это была медная монета с щербинкой, покрытая следами времени.

Взгляд Гу Чанъаня упал на щербину, и что-то показалось ему знакомым. В голове мелькнула догадка: кажется, у старика была такая же.

Лу Чэн выдал ошеломляющее:

— Она принадлежала твоему отцу.

Гу Чанъань замер в недоумении.

В следующую секунду он бросил сигарету на пол, растер ее ногой и быстрым шагом направился в комнату старика. Через мгновение он вернулся, тяжело дыша, с крайне мрачным лицом.

В старом доме всегда было много ловушек, а он добавил еще новых. Он был уверен, что никто не мог зайти туда, куда не следовало, и тронуть то, что не нужно. Монета старика действительно исчезла. Это могло означать только одно... он сам отдал ее кому-то.

Втайне от Гу Чанъаня.

Гу Чанъань глубоко вдохнул:

— Что происходит?

Лу Чэн безэмоционально произнес:

— Мой отец был в долгу перед твоим. В чем именно заключался долг, он не говорил, да я и не знаю. Знаю лишь, что твой отец пришел к моему с этой монетой и потребовал вернуть долг.

Гу Чанъань остолбенел. Старик никогда ему об этом не говорил. Он перерыл свою память — никаких упоминаний об этом не было.

Какими бы ни были их отношения в прошлом, если старик никогда не упоминал об этом, значит, связь давно оборвалась. Возможно, из-за интересов или других причин они перестали общаться. Как он мог пойти просить об одолжении?

Учитывая гордый нрав старика, он не мог пойти на такое унижение. Гу Чанъань начал сомневаться в правдивости его слов.

Лу Чэн прочитал мысли юноши и продолжил тем же отстраненным тоном:

— Потому что тебя ждет большое испытание, и твой отец надеялся, что мой клан поможет тебе его пройти.

Гу Чанъань нахмурился. У него действительно было предчувствие большой беды. Старик упоминал об этом пару раз, а в последний — перед самой смертью — выглядел очень встревоженным. Бабушка тоже говорила об этом.

— Значит, ты пришел мне помочь?

Лу Чэн лишь скользнул по нему взглядом.

Гу Чанъань усмехнулся:

— Тогда почему ты сразу не раскрыл карты?

Не дожидаясь ответа, он добавил с холодком:

— Ты скрывал это, потому что это было решение твоего отца, а не твое. Ты не хотел сюда ехать, но вынужден был подчиниться и найти меня.

— Я же говорил тебе, что задняя гора принадлежит моему клану, были и другие намеки, — сказал Лу Чэн. — Не думал, что твой отец не проронил ни слова о семье Лу.

Смысл был ясен: я не все скрывал, я давал знаки, это ты ничего не знал обо мне и моем клане, так что винить меня не в чем.

Гу Чанъань:

— Ха-ха.

— Чему ты смеешься? — Лу Чэн сунул руки в карманы, его мощная аура больше не сдерживалась, заполняя комнату. Он возвышался, словно монарх, вззирающий на своих подданных.

Гу Чанъань был на полголовы ниже, и это преимущество в росте выводило его из себя. Лицо его помрачнело до жути.

Лу Чэн не обратил на это внимания:

— Услышав об этом от отца, я сразу отказался. Испытание предначертано судьбой, его нельзя изменить человеческими силами. Мой приезд — пустая трата времени и сил.

Гу Чанъань промолчал. Он был прав: Лу Чэн действительно очень похож на него. Они одного поля ягоды — живут с равнодушием, и какая им разница до чужих жизней?

Лу Чэн потер переносицу:

— На самом деле все было немного иначе. Я решил приехать, когда увидел твоё фото.

Гу Чанъань опешил. Что это ещё за поворот?

— Не пойми превратно, это не любовь с первого взгляда. Я просто подумал, что у тебя... — Лу Чэн подобрал определение, — весьма интригующее лицо.

Такого эпитета Гу Чанъань ещё не слышал, и это его озадачило.

Лу Чэн продолжил:

— Я знал, что люди клана Гу не испытывают проблем со способностями. Скрывал происхождение, чтобы посмотреть, какой у тебя характер, как ты ведёшь себя с людьми, насколько острый ум. Хотел понять, вызовёшь ли ты у меня желание изучать тебя дальше. Если бы ты оказался скучным, я бы уехал, и пусть в моей семье кто хочет, тот и занимается этим.

Он сделал паузу и слегка улыбнулся:

— К счастью, ты оказался лицемерным и подлым, что меня вполне устраивает.

Гу Чанъань:

— ...

После странного эпитета последовала не менее странная похвала.

Гу Чанъань подошел к мужчине вплотную, похлопал его по лицу и рассмеялся:

— Теперь я понимаю, почему у меня сложилось о тебе такое паршивое первое впечатление.

Лу Чэн, с которым впервые в жизни так обошлись, стал пугающе холодным, его взгляд был острее лезвия.

Вот оно, истинное лицо мужчины. Гу Чанъань отступил на два шага, скрестил руки на груди и принялся наслаждаться своим творением.

— С самого начала я был на свету, а ты в тени. Ты все знал, я — ничего. Все мои догадки строились на предположениях, а ты с того самого момента, как узнал о моем существовании, смотрел на меня свысока.

Лу Чэн прищурился.

— Чего смотришь? — Гу Чанъань смотрел на него, как на актера, претендующего на Оскар. — Твоя слепота на лица тоже была фальшивкой, да?

Лу Чэн прикрыл глаза, ярость улеглась:

— Слепота на лица настоящая.

Гу Чанъань фыркнул:

— Когда я гадал на улице, в нашу первую встречу, ты уже знал, что я тот, кого ты ищешь.

А еще притворялся, спрашивая, где юг.

Лу Чэн больше не скрывал:

— Сначала я лишь подозревал. Уверенность пришла, когда ты взял у меня деньги.

Когда взял деньги? Гу Чанъань стал вспоминать детали.

— Ты постоянно маскируешься, у тебя есть весь реквизит и опыт. Но в тот день ты допустил ошибку — часть тела ниже шеи. — Лу Чэн заметил, как юноша нахмурился, и издал короткий звук. — Когда ты брал деньги, твое тело подалось вперед, и я случайно увидел участок кожи, не принадлежащий старику.

Гу Чанъань дернул щекой. Ошибка была не в том, что он что-то упустил, а в лени. Он наложил грим только на лицо и шею, решив, что ниже все равно прикрыто одеждой.

К тому же он не собирался обманывать прохожих ради заработка, просто хотел разыграть Ван Тинтин и уйти. Кто же знал, что встретит его.

Оказалось, все так просто. Гу Чанъань не нашелся что ответить — человек предполагает, а судьба располагает.

Гу Чанъань потер лицо:

— В храме ты тоже знал, что это я?

Лу Чэн:

— Да.

Ветер задувал в воротник и рукава. Гу Чанъань закрыл дверь:

— Ты знал, что я прячусь за шкафом, и специально разминался в комнате.

Лу Чэн невозмутимо:

— Да.

Гу Чанъань процедил сквозь зубы:

— Тогда какого черта ты меня трогал?

Лу Чэн холодно взглянул на него:

— Ты разбудил меня посреди ночи, вот я и решил тебя позлить.

— ...Твою мать!

В комнате воцарилась тишина. Два потомка своих семей смотрели друг на друга, а затем одновременно отвели взгляды. Одному было противно смотреть, второму — лень.

Один клан боролся с людьми, другой — с призраками.

Обиды старшего поколения их не касались. Эмоционально они были далеки друг от друга. Станут ли они друзьями, чья дружба чиста как вода, или заклятыми врагами — сказать было трудно.

Вскоре Лу Чэн ушел в свою комнату. Гу Чанъань остался сидеть, задумчиво вертя в руках монету.

Вскоре Лу Чэн вернулся и протянул ему письмо:

— Мой отец написал тебе. Я не читал.

Гу Чанъань взял письмо, недовольно буркнув:

— Не мог отдать все сразу?

Лу Чэн пропустил его слова мимо ушей:

— Я спать хочу. Завтра поговорим.

Вид у него был такой, будто он просто занес вещь, а вся эта суматоха — не его рук дело, он вообще не при делах и просто проходил мимо.

Гу Чанъань прочел письмо. Почерк был такой же, как у старика, всего несколько строк. Смысл сводился к тому, что Лу Чэн здесь, чтобы помочь, и старик просил их жить дружно, как друзья.

До этой ночи Гу Чанъань и не подозревал об этом.

В письме также говорилось, что в случае необходимости весь клан Лу придет ему на помощь, чтобы пройти через грядущее испытание.

Гу Чанъань со сложными чувствами поджал губы. Сколько же еще тайн скрывал старик?

Он убрал письмо и монету в черный ларец, взглянул на кошелек внутри, задержав взгляд на рисунке фламинго. В душе шевельнулось странное чувство, будто что-то зарождалось, но в то же время внутри была пустота.

От кошмара с утоплением его бросило в холодный пот, одеяло было сырым, менять простыни не было смысла — нужно просушить. Он отбросил простыни в сторону и сел на край кровати, погрузившись в раздумья.

<http://bllate.org/book/19143/1880137>